

Наталья Александровна Берзина

Мой бывший враг

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=582755

Н. Берзина «Мой бывший враг», серия «Криминальный талант»: ЗАО Издательство

Центрполиграф; Москва; 2008

ISBN 978-5-9524-3735-7

Аннотация

Алеся с детства была сорвиголовой и в мужа себе выбрала верного товарища по походам в горы и сплавам по бурным речкам. Сразу после института сыграли скромную свадьбу и начали закладывать фундамент процветания маленькой семьи из трех человек... Хотя муж ее и был крепким парнем, что он мог сделать против нескольких подонков, которым нравилось убивать? Прошло время, и Алеся почувствовала, что, наконец, сердце ее свободно от ненависти и открыто для любви, радости и счастья. Но на жизнь молодой женщины вновь легла тень зверя...

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Наталья Берзина

Мой бывший враг

Часть первая

Найти себя

Алеся вдохнула запах свежей, еще невыветрившейся краски. На глазах проступили слезы. Наконец у нее появилась своя квартира! Пусть еще не совсем достроенная, пусть пока не пригодная для жилья, но она уже есть, со стенами, окнами, балконом. Понадобится время, чтобы в ней появились двери, обои, радующие глаз цветы, но это будет, теперь уже очень скоро. Придется отмывать и натирать пыльный паркет, ругаться со строителями по поводу кранов и смесителей, но это такая ерунда по сравнению с тем, что пришлось пережить, пока она ожидала окончания строительства. Пусть не в центре, пусть в отдаленном спальном районе, здесь тоже можно жить. Самое важное, что это ее дом. Алеся потрогала прохладную стену, осторожно обошла кучи еще невывезенного строительного мусора, вышла в непривычно просторный коридор, заглянула в маленькую комнату, которая показалась просто огромной. Подошла к окну. За на удивление чистым и необычайно прозрачным стеклом простирался неправильный четырехугольник просторного двора с уже смонтированной детской площадкой. О таком дворе Алеся мечтала, когда нянчилась с маленькой Леркой. Не сбылось, зато теперь, на закате... хотя почему на закате? Разве в сорок лет жизнь заканчивается? Неправда! Вот и Виктор может подтвердить! Эх, как было бы здорово, если бы и он вместе с ними жил, в новой квартире... Стоп! Пока об этом даже не стоит заводить речи. К сожалению, мужчины пугливы, особенно когда это касается их личной свободы. В этом отношении Виктор ничуть не лучше других. Сколько она слышала подобных историй! Стоит только заикнуться, что имеешь на мужчину определенные виды, он тут же исчезает в неизвестном направлении. Слава богу, Алеся уже не девочка, даже если и не рискнет Виктор предложить руку и сердце – обойдется! Жила без него почти двадцать лет – проживет еще! Алеся глядела, как непоседливые мальчишки из соседнего, тоже недавно построенного, уже заселенного дома осваивают ярко окрашенную пластиковую горку. Машина Виктора, сияя на весеннем солнце, блаженствовала на пока еще совершенно пустынном паркинге.

Шаги за спиной заставили Алеся обернуться. В дверном проеме стоял он. Такой же строгий, внешне неприступный и, как ни странно, необыкновенно привлекательный. В нем было все, что нравится женщинам. Невольно Алеся почувствовала жгучий укол ревности. Как ни крути, Виктор наверняка привлекает женщин. То, что он обратил на нее внимание, сама Алеся считала чистой случайностью. Еще бы, она далеко не красавица, к тому же не так молода, чтобы нравиться мужчинам, да еще вдобавок – у нее взрослая дочь. То, что самому Виктору уже немного за пятьдесят, совершенно ни о чем не говорит, он в расцвете мужской силы и красоты. Правда, он любит пококетничать по поводу своего возраста, но, по-видимому, сам откровенно любит себя, когда называет себя старым и больным. Чего-чего, а здоровья у него на десятерых хватит. За те три года, которые они вместе, Алеся ни разу не видела Виктора болеющим. Всегда в отличной физической форме, уверенный в себе, подтянутый, он и впрямь выглядел значительно моложе своих лет. Порою настолько, что Алеся чувствовала себя рядом с ним едва ли не старухой.

Виктор смешно повел носом, провел пальцем по гладкой, еще не оклеенной обоями стене, негромко сказал:

– Вонница!

– Ерунда! Выветрится, отмоется, приберется – и будет здорово! – рассмеялась Алеся.
– Как ты представляешь себе все это мероприятие? Вдвоем с Лерой вы будете здесь ломаться еще год.

– Ну, ты не прав! Думаю, за месяц управимся. Знаешь, как говорят? Глазам страх, а рукам прах! У меня бабка всегда так говорила. Вот только обои вдвоем нам, конечно, поклеить будет трудновато.

– Я думаю, что тебе этого делать не придется. Проще нанять людей и заплатить.

– Виктор, ты явно забываешь, что я зарабатываю не так много, как хотелось бы. Едва собрала деньги на строительство. Теперь нужно рассчитаться с кредитом, и только тогда я смогу вздохнуть относительно спокойно.

– Ты почему-то всегда забываешь, что у тебя есть я. Это немного обидно. Или ты по-прежнему считаешь меня чужим человеком?

– Нет! Что ты! Я этого не сказала! – молитвенно сложила руки на груди Алеся.

– Я знаю, что не сказала, только позволь мне немного помочь тебе хотя бы в этом. Если у тебя есть настроение, после того как ты изучишь свою новую квартиру, хочу предложить тебе проехать по магазинам и выбрать для начала хотя бы обои. Бригаду для работы я найду сам. О деньгах не думай. Я все оплачу сам.

– Виктор, мне в самом деле неудобно, ведь ты мне...

– Если ты сейчас скажешь, что я для тебя чужой, – мне придется уйти! – остановил ее Виктор.

– Нет! Я не хотела этого говорить! – неожиданно испугавшись, взмолилась Алеся и почувствовала, как холодная волна прокатилась по позвоночнику.

Никогда в жизни она не боялась потерять мужчину, разве что мужа, но с тех пор прошло уже без малого двадцать лет. Внезапно Алеся остро ощутила, насколько она привязана к Виктору. А ведь все начиналось просто как милый, необременительный роман. Только, к сожалению или к счастью, роман затянулся, и в прошедшем марте они отметили три года совместной жизни. Впрочем, это Виктор заявил тогда, что их жизнь совместная. Алеся придерживалась иной точки зрения, но вовремя прикусила язык, сдержалась и не высказала того, что думает по этому поводу. В ее понимании совместно – значит вместе, бок о бок, рядом, а не так, как у них, – он иногда заезжает к ней, изредка остается ночевать, но не более. Виктор даже о вероятности женитьбы ни разу не заикнулся. Разумеется, это страшно бесило Алеся, но она старалась не показывать вида. Слишком долго она была одна, слишком тяжела и страшна была прошлая жизнь, чтобы вот так, одним неосторожным словом разрушить пусть и ненадежное, временное счастье. Как бы то ни было, именно рядом с Виктором она по-настоящему почувствовала себя женщиной, причем любимой и... единственной.

– Мамочка! Ну, поверь, пожалуйста! Я не виновата! Они сами, первые начали!

– Алеся, тебе бы мальчишкой родиться! Вся в отца! – всплеснула руками мама. – Ты посмотри, на кого ты похожа! Коленки сбиты. Под глазом синяк. А теперь еще и соседка пришла на тебя жаловаться! Вот скажи мне, зачем ты Артема избивала?

– Мам! Я же тебе уже говорила, он сам начал. Да и не била я его вовсе! Мы боролись! По-честному!

– И из-за этой борьбы он пришел домой весь в крови?

– Совсем не весь! У него только нос разбит! Но я не виновата, что он тяжелее меня! Правда, мамочка? Я его через плечо бросала и не удержала в последний момент.

– Алеся, нам с тобой нужно серьезно поговорить. Ты хоть сама понимаешь, что ты девочка? А девочки никогда не дерутся!

– Да, как же! А что делать, если на тебя бандиты нападут?

– Во-первых, на тебя никто не нападает! Правильно? Это раз! Во-вторых, насколько мне известно, ты сама затеваешь потасовки с мальчиками.

– Мама, мы просто играем!

– Алеся, ты уже не маленькая. Тебе десять лет. Лучше бы в куклы играла!

– Я лучше в казаки-разбойники с ребятами. Мам, ты же знаешь, что там интереснее! Я же тебе помогаю? Ведь правда?

– Правда, но драться ты не должна! Ты меня понимаешь?

– Угу.

Алеся тряхнула торчащими в разные стороны косичками, направилась из кухни. Шмыгнув в ванную, она задрала испачканное в песке платье и, морщась от боли, смыла кровь с оцарапанного бока. Не следует говорить маме о царапине. Вообще на улицу не выпустит! Она не понимает простой вещи: сидеть дома и переключать кукол с места на место – скучно! Куда лучше покататься на тарзанке, сбегать с ребятами на речку, разжечь костер и представлять себе, будто ты на необитаемом острове или где-нибудь джунглях. Это ничего, что вместо пальм и лиан вокруг заросли орешника и ивы. Какая, собственно, разница! Главное, это приключения.

Алеся мечтала о том, как вырастет и отправится в настоящее путешествие, будет пробираться по непроходимым горам, переплывать моря и бурные реки, отыскивать затерянные города, изучать жизнь диких племен. Об этом так интересно рассказывал папа! Не важно, что он сам не бывал в дальних странах, зато свою исколесил вдоль и поперек. Он действительно побывал и в горах, и на море, и по бурным рекам сплавлялся. Несколько раз он Алеся брал с собой. Как же это здорово – ночевать в палатке, просыпаться на рассвете, наблюдать поднимающееся за дальним лесом солнце. А как интересно плыть по могучей быстрой реке, видеть летающих прямо над головой чаек, жарить на костре только что пойманную рыбу, слушать плеск волн и радоваться, что у тебя такой классный папа. Жаль, что отпуск у него короткий. Мама, конечно, ворчит, но и ей нравится такая жизнь. Недаром она вышла замуж за папу. Алеся мечтала, как она тоже выйдет замуж, хотя бы за Димку из соседнего двора. Он сильный, смелый, всегда и во всем первый, и главное – он никогда не обманывает. Она терпеть не могла, когда ее кто-то обманывал. Димка – надежный, проверенный друг. А то, что он на два года старше, – это ничего. Вон папа старше мамы на целых пять лет, а нормально живут.

Алеся мечтала, как вернется папа из командировки, как они втроем снова отправятся путешествовать, а там закончится лето, придет пора идти в школу. Но главное – не это. Главное – снова начнутся тренировки. Только нужно будет уговорить маму, чтобы она разрешила записаться на фехтование. Конечно, плавание и лыжи – это здорово, но научиться сражаться на шпагах, как настоящий мушкетер, тоже очень хочется. Папа не против, она уже говорила с ним на эту тему, он только сказал не запускать школу, а что там запускать, если она успевает сделать домашние задания за несколько минут. А читать в книжках то, что говорит учительница, скучно, интересней послушать на уроке.

– Кристина Яновна, вы сами понимаете, что для вашей дочери нагрузка просто непосильная? Да, я согласна, она хорошо учится, но ведь нужно хоть когда-нибудь отдыхать! Вы посмотрите, чем она только не занимается? Плавание, фехтование, лыжи, исключите хотя бы стрельбу! Зачем это девушке? Я, как классный руководитель, вынуждена требовать от вас, чтобы вы ее остановили. Иначе медаль она не получит! Не забывайте, это же выпускной класс!

– Я все прекрасно понимаю, Валентина Георгиевна. Но Алеся так устроена, она просто не может быть другой. Она и так снизила нагрузки почти во всех спортивных секциях, в которых получила первый разряд, но стрельба у нее пока идет плохо, а второй разряд ее не

устраивает. Я очень прошу вас дать ей разрешение поехать на сборы. Уверяю: то, что Алесья пропустит на занятиях, она с легкостью нагонит!

– Я понимаю, что нагонит, но поймите и вы! У меня выпуск, а Алесе совсем немного не хватает, чтобы получить золотую медаль!

– Простите меня, Валентина Георгиевна, но я ничего с ней не могу поделать. Она и слышать не хочет о медали. Для нее сейчас важен только первый разряд.

– Как же так, разве она не хочет поступать в институт?

– Говорит, что поступит и без медали. Кстати, вы знаете, что она собирается поступать в педагогический? На математику-физику.

– Что ж, на ее месте я бы попробовала в университет. Вполне достойная девочка.

– Я ей то же говорила. Не хочет. Сказала, что для нее педагогический – оптимальный выбор. Да я ее понимаю, после того как погиб муж, нам совсем не просто приходится. Я одна воспитываю дочь, она мне помогает во всем. Если она уедет, мне придется тяжело. Вы понимаете, что значит остаться совершенно одной?

– Отчего же, прекрасно понимаю, сама после развода осталась одна с детьми, – грустно сказала учительница. – Но я считаю, вы обязаны поговорить с Алесей.

– Я попробую, но боюсь, это мало чем поможет. Дочка у меня упрямая, сама решает, как ей быть. Если она решила, что ей жизненно необходим первый разряд по стрельбе, то не отступится никогда, – с ноткой печали сказала Кристина Яновна.

– Жаль, с одной стороны – очень хорошо, что Алесья такая целеустремленная. Но вы понимаете, что мы с вами отвечаем за нее, хотя бы до той поры, пока она не поступит в институт.

Вечером Кристина Яновна, помогая дочери собираться дорогу, попыталась завести разговор, на котором настаивала классная. Алесья некоторое время слушала маму, продолжая складывать вещи в сумку, затем подняла голову и сказала:

– Знаешь, мама, я уже выбрала свой путь, конечно, он не совсем такой, о котором я мечтала в детстве, но тем не менее прошу тебя не забывать, что я взрослый человек и потому я сама отвечаю за свои решения. Очень прошу тебя, не волнуйся за меня, я сумею за себя постоять.

– Алесья! Дело не в том, можешь ли ты за себя постоять, тебе нужно о будущем думать.

– Именно этим я и занимаюсь. К этому я готовилась всю жизнь.

– Какая же ты упрямая, дочка! С тех пор как не стало отца, на тебя вообще управы нет.

– А она нужна, управа? – Алесья мягко улыбнулась матери и нежно обняла за плечи, тихо сказала: – Не волнуйся, мамочка, все будет хорошо! И разряд я получу, и в институт поступлю. Поверь мне.

Форштевень байдарки с силой врезался в стоячую волну. Зарылся в нее. Резко ушел в глубину. Алесья, что-то крича, пыталась табанить, но лодка, подпираемая потоком, все круче вставала на нос. Димка пытался парировать крутящий момент, почти полностью вылез из кокпита, но байдарка уже описала кормой полукруг и стремительно падала в кипящую воду.

Шлем выдержал, хоть удар был страшен. На мгновение в глазах потемнело. Задержав дыхание, Алесья привычно, как на тренировке, сделала сильный гребок, переворачивая капризный «Таймень», стала на киль и ужаснулась. Форштевень торчал из пены, смятый в гармошку. Каркас, прорвав оболочку, выглядывал из синей ткани, словно ребра погибшего зверя.

– Димка, мы тонем! – крикнула Алесья, пытаясь хоть как-то выгрести к берегу.

Надувные баллоны пока еще поддерживали лодку, но воздух быстро выходил из них, и «Таймень» стремительно терял плавучесть. Димка не ответил, но оборачиваться, узнавать, почему он не отвечает, времени не было. Справа, впереди, в бурлящей дикой воде,

мелькнуло что-то оранжевое. До спасительных камней оставалось совсем немного. Алеся гребла изо всех сил, но лодка тонула слишком быстро. Корма задиралась все выше, наконец алюминиевый каркас застрял между камнями. Лодка почти погрузилась. Алеся, получив небольшую передышку, отстегнула фартук, прикрывающий кокпит, и буквально вывалилась из затонувшей байдарки в ледяную воду. Первое, что она поняла, выплыв, – что Димки нет в лодке. Жилет плохо работал в насыщенной воздухом бурной воде, на поверхности оставалась только голова.

– Димка! Димка, ты где? – теряя самообладание, крикнула Алеся, но голос ее потонул в реве водопада.

Вокруг не было ничего, кроме бурлящей реки, торчащих из белой пены страшных острых черных камней и сосен, чудом цепляющихся за неприступные скалы. Оранжевый жилет Димки мелькнул вдаль и исчез за очередным порогом. Алеся в ужасе отпустила фал, привязанный к лодке, и, отдавшись на волю течения, поплыла догонять друга. Намокшая одежда сковывала движения, жилет не давал нормально плыть. Течением Алеся било о камни, крутило в водоворотах, но она упорно продвигалась вслед за другом.

Димкин жилет зацепился за корни упавшего дерева и не давал вытащить из воды бесчувственное тело. Плача, ломая ногти, обдирая до крови руки, Алеся упрямо тащила Димку на берег. Ноги в промокших кроссовках скользили на гладких, отполированных водой камнях. Она падала, вставала, снова и снова хваталась за одежду Димки, тянула из последних сил. О том, что можно просто расстегнуть жилет, она даже не подумала. Когда же она наконец сообразила это сделать, силы, казалось, совершенно оставили ее.

Димка, безвольно раскинув еще недавно сильные руки, лежал навзничь на осклизлых, омытых рекой камнях. На внезапно заострившемся, резко осунувшемся лице зававшие неподвижные глаза. Обескровленные, белые как мел губы плотно сжаты. Только слабо поднимающаяся грудь свидетельствовала, что Димка жив.

Алеся перевела дыхание, оттащила друга подальше от воды, уложила на спасательный жилет и начала подниматься вверх по течению. Лодку уже не спасти, это ясно как белый день, но там остались и палатка, и спальники, и самое главное – продукты. Осторожно пробираясь между камней, Алеся добралась до затопленной байдарки. За время ее отсутствия лодка затонула окончательно. В изуродованном носовом отсеке ничего не осталось, очевидно, вымыло течением. В кормовом оказались промокший рюкзак, несколько банок мясных консервов, палатка, пакет с размокшими сухарями и большой охотничий нож. Когда Алеся вытащила все, что осталось от припасов, на берег и пересчитала сокровища, осталось только горько вздохнуть. В рюкзаке оказались Димкины вещи, несколько коробков спичек, запаянных в полиэтилен, старенький фотоаппарат с запасом пленки, пачка отсыревших галет и кусок веревки. Все! Ни карты, ни компаса, ни спальника. Прошлой ночью они, замерзая, расстелили спальник на дне палатки, вдвоем забрались в один, а что делать теперь?

Димка пришел в себя только через несколько часов. Сломанная рука, сотрясение мозга, ушибы. Но это ерунда, хуже, что на правой ноге порваны связки. Даже перетянув голень разорванной на полосы рубашкой, Димка едва мог наступать на ногу, а предстояло подняться на скалу, чтобы хоть как-то укрыться от пронизывающей сырости.

Карабкались по стене долго. Димка держался молодцом, но раненая нога не давала надежной опоры. Сжав зубы, он поднимался и все время пытался отнять у Алеся рюкзак, но она упорно не отдавала. Куда ему – с больной ногой еще лишнюю тяжесть! Поднялись наверх почти в темноте. Пока Алеся собирала хворост, Димка почти на ощупь поставил палатку. Когда, поужинав, Алеся собралась бросить опустевшую банку из-под тушенки в костер, Дима остановил ее:

– Не выбрасывай, пригодится. Посуды у нас, как я понял, нет. Пусть хоть банка останется.

– Ты мне лучше скажи, как выбираться будем? – задумчиво глядя в костер, спросила Алеся.

– Ногами, милая, просто ногами. Здесь относительно недалеко, если идти вдоль реки – километров сто, а если срезать, не больше пятидесяти. Утром решим. У тебя, кстати, одежда сухая?

– Относительно. У меня, честно говоря, все, что есть, – на мне, хорошо, хоть документы остались.

– Значит, делаем так. То, что было в рюкзаке, просохло? Натягивай на себя. Остальное в палатку, под низ, укрыться будет нечем. Но ничего, как-нибудь переберемся.

– А ты как? Замерзнешь.

– Не волнуйся. Переживу. Пошли спать.

Ночь выдалась холодной. У Димки поднялась температура. Все его тело буквально горело. Алеся пыталась обтирать его влажной тряпкой. Пыталась хоть чем-то помочь. Утром начался настоящий кошмар. Дима хотел подняться, но нога распухла, посинела, выглядела толстым бревном. Рука, прибинтованная к палке, тоже выглядела не лучшим образом. Температура к утру упала, но по-прежнему оставалась высокой. Дима время от времени терял сознание. Так продолжалось долгих три дня. Алеся почти не спала, отдавала все силы, чтобы поднять на ноги друга. Поила отварами трав, согревала своим телом ночью. Дима пошел на поправку.

Идти они решили напрямую. Пусть через горы, но так шанс добраться до людей был значительно выше. За первый день удалось пройти не больше десяти километров. Дима был слишком слаб, чтобы двигаться быстрее. Опираясь на палку, он хромал, стискивал зубы. Опухоль хотя и не увеличивалась, но выглядела так, что казалось, только тронь – натянутая синяя кожа лопнет и застоявшаяся кровь хлынет ручьем. Да и Алеся, измотанная бессонными ночами, тоже была не в лучшей форме. К вечеру их обоих шатало от усталости. Едва установили палатку, силы оставили их. Даже голод не стал помехой. Они прижались друг к другу и спали. Лишь под утро их разбудил холод. Дрожа, Алеся выползла из крошечной палатки и посиневшими от холода, непослушными пальцами разожгла костер. Живительный огонь взметнулся в светлеющее небо. Едва не касаясь пламени озябшими ладонями, она впитывала в себя драгоценное тепло. Чуть отогревшись, помогла выбраться из палатки Диме. Странно, что сильный физически парень так сдал: сначала эта жестокая простуда, теперь упорно не заживающие рука и нога. Хорошо, хоть воля его оказалась несломленной, хотя двигался Дима с огромным трудом. Да еще эта неспадающая температура!

В путь тронулись на рассвете. Из пяти банок тушенки осталось две. Немного спасало то, что Димка почти не ел, хотя Алеся старалась его накормить. Научилась даже печь из размокших сухарей нечто напоминающее по вкусу хлеб. Но пополнить запасы оказалось совершенно нечем. В начале лета в тайге привычной еды практически нет. Алесе приходилось собирать известные ей растения, добавлять в сухарный хлеб листья липы, но все равно еды катастрофически не хватало. На то, чтобы преодолеть полсотни километров, оставшегося явно не хватит. Нужно было думать, как решить еще и эту проблему.

Спускаясь с очередного гребня, Алеся старалась помочь другу, поддерживала его под руку. Дима уже не сопротивлялся, не отмахивался. Даже разговаривать почти перестал. Молча, сжав зубы, упрямо двигался рядом с Алесей, тяжело опираясь на палку. Пот выступил на бледном лбу. Только изредка, когда неудачно становился на камень, с его губ срывался стон.

Они шли весь день. Лишь однажды, перевалив через очередной кряж, остановились на два часа, чтобы погрызть напеченных с утра Алесей сухарных лепешек. Комары монотонно звенели над головами, но усталые путники даже не отмахивались от назойливых насекомых,

сил не было. Отдохнув и немного придя в себя, двинулись дальше. Каждый шаг отдавался болью. В голове не осталось ни одной мысли. Сбитые ноги гудели. Кроссовки совсем развалились. Чтобы хоть как-то идти, Алеся, натягивая их на распухшие усталые ноги, перетягивала то, что осталось, уцелевшими кусками веревки. Вершины сосен на склонах невысоких гор кудрявились под лучами июньского, по-северному нежаркого солнца. Они шли, спотыкаясь, падая, поднимаясь, помогая друг другу, с одной-единственной целью: добраться до людей.

Еще одна холодная, почти бессонная ночь. Дима задыхался от кашля. Алеся пыталась его хоть как-то согреть, сбросила с себя почти все, прижимала полубессознательного Диму к своему телу, она готова была отдать всю себя, чтобы он выжил. К утру Диме стало хуже. Он уже не мог подняться. Алеся вскрыла предпоследнюю банку тушенки. Как ни пыталась накормить Диму, он упорно отказывался от еды. Весь день Алеся не отходила от него ни на шаг. Пыталась поить отваром из трав, но Дима уже не мог глотать. В середине дня он начал задыхаться. Алеся окончательно растерялась. Всегда уверенная в себе, целеустремленная, она просто не знала, что делать. Когда ничего другого не осталось, решила посмотреть горло друга. Заглянула и ужаснулась. Огромные гнойные мешки почти полностью перекрыли гортань. Решение пришло само собой – стараясь не дрожать, преодолевая внезапно подступившую тошноту, она острием ножа проткнула гланды Димы.

Отвратительная серо-зеленая с красными сгустками жидкость ручьем выплеснулась в рот парня. Алеся отбросила нож, быстро перевернула Диму на живот. Судорожный кашель, мучительная болезненная рвота и...

Дима впервые за последние дни вздохнул свободно. Как ни холодно было ночью, к утру парень чувствовал себя значительно лучше. О том, чтобы идти дальше, не могло быть и речи. Утром Алеся напоила Диму бульоном, сваренным из тушенки. К обеду он уже почувствовал настоящий голод. Подруга отдавала ему последнее, медленно слабела сама. Спустя два дня Дима самостоятельно выбрался на промысел. Перетянул ногу лоскутами ткани, медленно двинулся по каменистой осыпи.

Несмотря на то что до реки было более двух километров, он справился и вернулся с добычей. Он кормил Алесю зажаренной на костре рыбой и чувствовал себя настоящим мужчиной, воином, охотником, добытчиком. Двигаться дальше по безлюдным голодным горам не имело смысла. Вернулись к реке. Началось долгое, трудное, опасное путешествие.

Дима с помощью чудом сохранившейся лески и крючков ловил рыбу, обеспечивал более или менее нормальное питание. Шел день за днем, они продвигались по десять – пятнадцать километров в день. Алеся очень переживала из-за того, что дома волнуется мама. В этот поход они отправились спонтанно, особо не собирались. Дима сдал экзамены за второй курс ветеринарной академии и, счастливый, предложил Алесе сплавиться по реке. Она решила, что десятидневное путешествие не помешает, и тут же согласилась. Через два дня они уже вышли из самолета. Еще два дня, закинув на плечи рюкзаки и упаковки с байдаркой, Алеся и Дима бодро шагали по каменистой тропе в направлении малоизвестной горной реки. О том, что по ней когда-то сплавлялись Димкины друзья, в родном городе слагались легенды. Теперь впору слагать легенды о них.

На то, чтобы выбраться из ловушки, в которую они попали, понадобилось почти две недели. Еще две недели Алеся и Дима провели в больнице. До вступительных экзаменов осталось всего десять дней.

Потрясение, связанное с происшествием на горной реке, и болезнь послужили причиной того, что Алеся набрала на два балла меньше, чем требовалось для поступления на математику. В приемной комиссии, куда расстроенная Алеся пришла забирать документы,

ей предложили идти учиться на факультет начальной школы. Подумав не больше минуты, она согласилась. В принципе была надежда на математику перевестись после первого курса.

Училась Алеся удивительно легко. Времени хватало и на тренировки, и на почти ежедневные встречи с Димой. Алеся уже не представляла жизни без него. Конечно, мама предостерегала ее в свое время, опасалась, что в какой-то момент между ними произойдет *это*. Однажды, когда Дима уже поступил в академию, она рискнула с ним побеседовать. Пока Алеся бегала в магазин, Кристина Яновна попросила Диму задержаться, якобы нужна была его помощь. Едва за Алесей закрылась дверь, Кристина Яновна напрямую спросила парня:

– Скажи мне честно, Дима, насколько серьезно ты относишься к моей дочери?

– Я люблю ее, – просто и совершенно спокойно ответил Дима.

– Но ты уже студент, а она школьница. Как вы думаете жить дальше?

– Так же, как и жили. До того, как я окончу институт, никакой речи о свадьбе или о чем-нибудь подобном не может быть. Я обещаю.

– А ты удержишься? Не тронешь ее? – дрогнувшим от волнения голосом спросила Кристина Яновна.

– Слово даю, не трону, – твердо сказал Дима.

– А что, если она, поступив в институт, познакомится с другим парнем? Полюбит.

– Это будет ее выбор, – чуть напряженно сказал Дима. Лицо его мгновенно стало жестким и решительным.

– Хорошо, я верю тебе! – постаралась успокоить его мама Алеси.

Дима сдержал слово, данное Кристине Яновне, вернее, почти сдержал. На выпускном вечере в академии они были вместе. Нужно было видеть, какими глазами смотрели на Диму его сокурсницы. Но, увы, его сердце было полностью отдано Алесе. Затем, уже утром, они шли по улице еще непроснувшегося города. Старинный мост над узенькой речкой. Зеленеющий парк, раскинувшийся на ее берегах. Заливистые трели перепутавшего время пения соловья. Поднимающееся над городом солнце. И главное – настроение, радостное, светлое, чуть приправленное легкой горечью предстоящей разлуки. Дима буквально через две недели уезжал в отдаленный район по распределению. Он должен был приступить к работе в должности ветврача на одной из крупных звероферм. Кристина Яновна в ту ночь работала. Обычные проблемы распределения машинного времени. Для программиста – дело привычное. Персоналок еще практически не было. Огромные машинные залы, сотни километров магнитных лент и толстенные стопки перфокарт.

Старый дворик, тенистые липы. Красный выветрившийся кирпич стен. Узкий темный проем арки ворот. Поцелуй! Почему-то совсем не такой, как раньше, с особым, непередаваемым вкусом. Непонятное, но такое приятное волнение и слова Алеси:

– Идем! Я хочу тебя!

Скрипучая дверь подъезда. Выщербленные ступени. Внезапно похолодевшие руки. Непонятная слабость и дрожь в коленях. Томление и трепет внизу живота. И непрерывные, непрекращающиеся поцелуи.

Сил запереть дверь не осталось, как, впрочем, и времени. Алеся набросилась на Диму, покрывая его лицо поцелуями. Он пытался остановить ее, что-то говорил успокаивающее, но сам уже почти не мог сдерживаться. Распухшие от поцелуев губы вдруг стали непослушными, оторваться друг от друга было невозможно. Недопустимо вот прямо сейчас остановиться, разрушить то, что происходит. В невероятный пламенный коктейль смешалось все: и страсть, и желание, и робость, и вызов, и неуверенный голос рассудка, и трогательно-трепетное изучение друг друга...

Это случилось. Алеся простила ему и неумение, и боль, и искусанные в испуге губы, и следы от слишком сильных объятий. Они лежали, прижавшись как можно теснее. Впервые испытывавшие то самое непередаваемое чувство близости, они познали то, к чему

шли долгие годы, и не разочаровались. Пережитое еще не угасло. Кровь, горячая, хмельная, все еще кипела в жилах, медленно утихая.

– Господи, Леська, что мы наделали! – каким-то незнакомым, хриплым голосом сказал Дима, поглаживая русые волосы любимой.

– Все правильно! Я сама хотела этого! – ответила Алеся, не поднимая головы с груди Димы. – Просто верь мне – и все! Я люблю тебя! Не сомневайся. Осталось подождать только два года, а после я приеду к тебе. Только дождись. Получу диплом и приеду. Очень надеюсь, что ты не загуляешь без меня. А то найдешь себе какую-нибудь доярку.

– Не надейся. Не успею. Осенью, скорее всего, в армию. Так что год я проведу в форме и совершенно без женщин! – засмеялся Дима, еще крепче прижимая к себе любимую.

Конечно же мама застала их в постели, конечно же состоялся серьезный разговор, но что такое возмущение мамы по сравнению с тем, что обрела, наконец, Алеся!

Два года пролетели незаметно. Алеся писала Диме почти каждый день и пока он работал, и тогда, когда служил в пограничных войсках. А уж когда он приехал в отпуск после службы, весь месяц они провели вместе. На выпускной вечер Алеся не пошла. Что там делать одной? Вместо этого, забрав документы, в тот же день села в автобус и через шесть часов уже вышла на автовокзале тихого западного городка, уютно раскинувшегося среди восхитительных озер. На высоких холмах прилепились непривычные взгляду, совсем западные домики с ухоженными палисадниками. Улочки, круто взбирающиеся вверх, выложены древней брусчаткой. На центральной площади остро пронзил небесную голубизну огромный костел с внушительным ржавым замком на высоких стрельчатых дверях. Огромные дубы в старинном парке. Кованая решетка кладбищенской ограды, а за ней – тесанные из красного гранита величественные кресты на просевших от времени могилах. Все было странным, незнакомым и оттого, наверное, волнующим. Дима, которому Алеся позвонила перед отъездом, обещал встретить, но предупредил, что, возможно, придется подождать.

– Пока я доберусь до города, пройдет время. Я просто физически могу не успеть. Ты подожди меня на площади. Только далеко не уходи. Заблудишься! – сказал он на прощание.

Теперь у Алеся не оставалось иного выхода, как ожидать появления Димы. К счастью, ожидать пришлось недолго. На площадь выкатилась разбитая, пыльная машина, из которой выскочил Дима.

– Алеська, родная моя! Наконец ты со мной! Давай в машину! А вещи твои где? Сумки, чемоданы? Ты в камере хранения оставила? – почти кричал Дима, подхватывая Алеся на руки.

– Димка, сумасшедший, отпусти меня! Люди же смотрят! – восторженно шептала Алеся, целуя его в глаза, щеки, лоб.

Наконец, поставив девушку на асфальт, Дима снова спросил о вещах.

– Да я так приехала, с одной сумкой. Ты ведь ничего не говорил!

– Как? Разве ты не насовсем ко мне? – испуганно уточнил Дима.

– Вообще-то я распределилась сюда, в этот город. Но окончательное решение за тобой.

– Тогда я ставлю вопрос ребром. Когда у нас свадьба? – глядя прямо в глаза возлюбленной, спросил Дима.

– Вот так сразу? Даже не предлагая руку и сердце? – наконец рассмеялась Алеся.

Неясная улыбка скользнула по лицу Димы. Он опустил на одно колено и с совершенно серьезным лицом сказал:

– Алеся, я прошу тебя выйти за меня замуж. Что касается твоей мамы, она уже дала свое согласие.

– Я согласна! – торжественно ответила Алеся. Затем, выдержав паузу, спросила: – А когда это ты успел с моей мамой переговорить? По телефону?

– Нет! Зачем? Когда в отпуске был! – пожал плечами Дима, поднимаясь с колен.

– Я даже не думала, что ты такой предусмотрительный! Главное, что она мне ни слова не сказала! Продали меня, значит! Вот вы какие! – не пряча торжествующей улыбки, сказала Алеся. – Ладно, поехали домой.

Добираться пришлось относительно долго. Дима жил не в самом городе, а в восьми километрах к северу. Именно там размещалась знаменитая звероферма. Несколько неприветливых двухэтажных панельных домов, стойкий запах зверья и чахлые деревца перед перекошенной, уже успевшей врасти в землю фанерной дверью. Алеся поразил резкий контраст между этим неприветливым, хотя, по-видимому, относительно новым поселком и городком, таким милым, уютным, чистым. Впрочем, и внутри дом больше походил на барак. Длинный темный захламленный коридор. Обшарпанные, когда-то коричневые двери. Грязь на затоптанном полу. Алеся, с детства приученная к чистоте и порядку, невольно поморщила нос.

– А вот здесь мы живем! Не пугайся, у нас немного не так, как в коридоре, – сказал Дима, отпирая дверь.

За дверью оказался кусочек знакомой жизни. Книги, неизвестно какими силами затащенный в комнату тренажер, давным-давно собранный Димой из подручных материалов и некогда красовавшийся в его родном доме. Маленький телевизор, притаившийся в углу. Тахта, застеленная знакомым клетчатым пледом, в который Алеся так любила заворачиваться, когда приходила к Диме. И главное – чистота!

Алеся, не дожидаясь, пока Дима поставит на пол пусть небольшую, но вполне увесистую сумку, повисла у него на шее.

– Боже! Как же я тебя люблю, Димка! Я выйду! Выйду за тебя замуж!

День в школе, затем на велосипеде, который здесь почему-то упорно называли «рове-ром», домой. Подготовка к занятиям, готовка, долгие счастливые вечера рядом с мужем. Беременность протекала довольно легко, сказались долгие годы занятий спортом. Алеся учила малышей едва не до самых родов. Только последние две недели провела дома. Дочка родилась крепенькой и очаровательной. Забирая девочку и молодую маму из роддома, Димка плакал от счастья и совершенно не стыдился своих слез. Он обожал Лерку. Девочка очень скучала по отцу, когда он уходил на работу. Стоило ему появиться на пороге, ребенок заливался счастливым смехом.

Алеся всю себя отдавала дочери, но в то же время не забывала и мужа. Как раз теперь у него начались трудные времена. Развал начался давно, а тут перешел в критическую фазу. Воровали со зверофермы все, что можно унести. Норкам не хватало корма. Зверьки дохли каждый день. Дима приходил с работы усталый, раздраженный, злой. Смягчался он, только беря на руки Леру. Когда разрешили открывать кооперативы, Дима зарегистрировал свой одним из первых. Посоветовавшись с Алесей, купил за копейки заброшенный хутор, несколько десятков оголодавших, полудохлых, облезших от бескормицы норок – и переселился вместе с семьей из барака. Вот здесь они по-настоящему хлебнули лиха. Не хватало абсолютно всего: денег, еды, одежды. Почти все, что удавалось сэкономить, уходило на Леру и зверьков. Деньги, которые зарабатывала Алеся в школе, растворялись без остатка, а ферма пока требовала только вложений. Почти год изматывающего труда – и, наконец, Дима продал первые шкурки. Они ушли по очень выгодной цене. Удалось закупить и новое поголовье, и новенькие «жигули», и, что самое важное, голод на ближайшее время семье больше не грозил. Ферма начала приносить ощутимый доход.

Алеся получила права и теперь ездила на работу на своей машине. Это было по большому счету необходимостью, до школы теперь насчитывалось не восемь километров, а все пятнадцать. На велосипеде, в особенности зимой, добираться до дома из школы оказалось непросто. Но главное – нельзя было надолго оставлять дочку без присмотра. Дима постоянно

возился на ферме, свободного времени у него практически не было. Он полностью загрузил себя работой, но собственных сил не хватало, пришлось взять еще двоих работников, из тех, с кем он познакомился на государственной звероферме. Когда пришла пора заготовки шкур, Алеся тоже стала помогать Диме. Этот сезон и впрямь был необыкновенно удачным. Продали абсолютно все, а уж заказов набрали выше крыши. Остро встал вопрос о расширении. Обсудили на вечернем семейном совете, как называл Дима их ночные разговоры в постели, детали предстоящего проекта. А утром...

Перемалывая свежевыпавший снег шинами, к хутору приближалась красная «Нива». Дима как раз заканчивал ежедневное обтирание, когда в двух шагах от него машина замерла. Распахнулись двери, на припорошенную пушистым снегом землю бодренько выпрыгнули двое крепких ребят в коротких кожаных куртках и широченных слаксах.

– Вам чего? – только успел спросить Дима, как неизвестно откуда появившаяся тяжеленная дубинка с хрустом опустилась ему на голову.

Охнув, Дима упал на колени. Тут началось. Били долго и сильно. Били со вкусом, смачно хакая, ногами, уже лежащего на залитом кровью снегу. Били старательно, пытались причинить как можно больше боли.

Алеся кормила Леру, когда ее внимание привлек неясный шум во дворе, выглянула в окно, успела заметить удаляющуюся «Ниву» и что-то непонятное, кроваво-красное перед крыльцом. Сердце оборвалось и упало куда-то вниз. Выскочила на крыльцо как была – в легкой маечке и шортах, совсем по-бабьи прикрыла лицо руками. На залитом кровью снегу, скорчившись, лежал ее Дима.

Когда Алеся затащила израненного, жестоко избитого мужа в дом, он был без сознания. Она плескала Диме на голову воду, пыталась привести в чувство – безуспешно. Кое-как натянула на бесчувственное тело мужа куртку, подогнала к крыльцу машину, с трудом усадила на сиденье, упаковала в комбинезон Леру и помчалась в город, в больницу. Еще в приемном отделении медсестра, заполняя документы, потребовала справку из милиции об источнике получения травм. Алеся не сразу поняла, о чем речь.

– Простите, какая еще справка? Моего мужа едва не убили, его спасти нужно!

– Чево их спасать? Уроды они все. Неча небо коптить. Твой где работает? Мне записать нужно.

– Фермер он. Норок выращивает, – не задумываясь, ответила Алеся.

Лучше бы она этого не говорила. Медсестра взорвалась.

– Кооперативщик? – закричала тетка. – Кровосос? Деньги лопатой гребет? А у нас деточки с голоду пухнут, пока вы жиреете! Вон брюхо отрастила!

– Да что вы говорите! Он же вкалывает с утра до вечера! А я на четвертом месяце! – закричала Алеся.

– Во, рожаете от бандюков, а после ревете! – заключила тетка.

Заявление в милицию так и не приняли. Сослались на то, что улики нет. Ни номера машины, ни подробного описания преступников – ничего не было. Один из сержантов вообще заявил, что потерпевший просто упал пьяный.

Лечился Дима долго. Сломанные ребра, разорванная печень и, что хуже всего, отбитые почки еще в течение трех месяцев давали о себе знать. Все то время, которое Дима провел в больнице, Алеся разрывалась между работой, Лерой и фермой. Благодаря ее усилиям падежа среди зверьков удалось не допустить. Да и помощники работали хорошо. Находясь в больнице, Дима ничего не смог выяснить. Нападавшие не выдвигали никаких требований, просто били, словно решили выместить на нем всю накопившуюся злобу. Первым делом после выписки он купил ружье.

Неприятности не заставили себя ждать. Уже через неделю Диму подкараулили в городе. Бить не стали. Просто к нему подошел молодой парень и, не говоря ни слова, сунул в руки листок бумаги.

«Будешь платить 500 баксов в месяц, или спалим!» – было написано на листочке корявыми печатными буквами. Дима все понял. Когда он начал свое дело, его предупредили люди, уже столкнувшиеся с рэкето́м. Но того, что бандиты возьмутся не за торгашей, а за фермеров, представить он тогда не мог. Потому и не ожидал, что это коснется его. Вернувшись домой, не стал ничего говорить Алесе. Решил разобраться сам. О том, чтобы платить бандитам такие деньги, не могло идти речи. Их попросту у него не было. По этой причине Дима выбрал сицилийскую защиту. Ружье есть, патроны тоже, осталось выманить бандитов на переговоры.

Алеся видела, что с мужем что-то происходит, но не могла найти этому объяснения. Все попытки расспросить его заканчивались ничем. Она тогда не могла понять, что Дима не хотел волновать ее. Прошло два дня напряженного ожидания, и вот вечером, разбрызгивая колесами грязь, прямо у крыльца остановилась все та же «Нива». Двое вошли в дом, еще двое остались у машины. Бритые, в коротких кожанках, приехавшие были похожи, словно братья-близнецы. В руках одного зловеще блеснул автомат.

– Ну что, буржуй, поговорим? – рявкнул безоружный, садясь на табурет.

– О чем разговор? – спросил Дима, спиной выталкивая Алеся из кухни.

– Тебе понравился прошлый разговор? Почки не дают?

– Спасибо, нет, – в тон говорившему ответил Дима, заметив, что «калашников» стоит на предохранителе.

– Бабки приготовил?

– Не понял, за что? Я плачу только за работу.

– Ты совсем оборзел? Хочешь, чтобы повторили? Так это прямо сейчас. Заодно и телку твою разложим. Она у тебя брюхатая? Во! Мои пацаны еще не видели, как киндеры из... вылазят. Пусть полюбуются.

– А ты не много на себя берешь? – воскликнул Дима, мягко смещаясь к автоматчику.

– Не ссы раньше времени. Гони капусту и спи спокойно.

Дима уже просчитал. На то, чтобы снять автомат с предохранителя, нужно две секунды. А крепыш, похоже, в армии служил в мотострелках или в десанте. Привык «калаш» на предохранителе держать. Две секунды – это очень много.

– А не валили бы вы подобру-поздорову! Не ровен час, неприятность случится, – пробормотал Дима, сместившись так, чтобы автоматчик оказался в зоне удара.

– Ну, парень! Да ты хамишь! – воскликнул главный, и в тот момент, когда рука автоматчика потянулась к предохранителю, Дима нанес удар.

Рука отлетела прочь от затвора. Вторым ударом Дима выбил из автомата магазин и лишь затем, с разворота, нанес страшный удар левой ногой в висок. За спиной раздалось приглушенное «Ох!». Обернувшись, Дима заметил краем глаза, как оседает на пол тело главаря. Прямо перед ним стояла Алеся с ружьем в руках. Приклад обагрился кровью.

– Дим, возле машины еще двое.

– Знаю. Нужно валить их! – твердо сказал Дима.

Алеся только кивнула в ответ.

Бой был короток и страшен. Дима с автоматом выскочил на крыльцо и, не дав опомниться, бросился на спокойно курящих рэкетиров. Всего несколько секунд понадобилось ему, чтобы разделаться с бандитами. Связал троих, крепенько настучал по морде четвертому и, подталкивая его стволом автомата, приказал всем убираться. Тем же вечером утопил автомат в озере, а через два дня его застрелили в городе. Алеся вместе с Лерой была рядом и потому видела все. Она ожидала мужа в машине. Дима вышел из здания райисполкома.

Прямо перед ним остановилась темно-вишневая «шестерка», выстрелы слились с истошным криком женщины. От пережитого у Алеси начались преждевременные роды. Ребенка, мальчика, так и не спасли.

Первое, что Алеся увидела, очнувшись, – оранжевый шар огромного апельсина. На шатком стуле прямо перед ней сидела та самая медсестра, которая оформляла в свое время Диму.

– Как ты, дочка, оклемалась? – сказала она с таким теплом и нежностью, что Алеся в одну секунду простила женщине ее прежнюю грубость.

– Где Лера? – слабым голосом спросила Алеся.

– У меня. Тебя же, как из машины достали, сразу на стол, а я как раз с дежурства сменилась, вот и забрала ее. Ты за ребенка не волнуйся, за ней моя старшая приглядит. Не пропадет твоя дочка.

– Диму убили! – вдруг горько вздохнула Алеся. – У меня сын умер.

– Ты поплачь, девонька, авось полегчает, – посоветовала медсестра. – А на меня зла не держи, погорячилась я тогда. Причины на то были.

Алеся снова горько вздохнула. Слез не было. Только ужасная пустота и полынная горечь в груди. В один день она потеряла все. Жизнь кончилась. Впереди были только пустота и одиночество. Алеся не представляла, как жить дальше, и, наверное, если бы не Лера, жизнь потеряла бы смысл навсегда. Диму похоронили без Алеси. Она была слишком слаба, чтобы проводить мужа. Только через неделю ослабевшая Алеся стала понемногу подниматься на ноги. Горечь утраты смешалась с яростью, она ни о чем не могла думать, кроме мести.

В день выписки из больницы Алеся точно знала, что ей предстоит сделать. Анна Павловна отвела ее к себе. Лера, истосковавшаяся по матери, не слезала с ее колен весь вечер. Алеся оставалась задумчивой и печальной, только молча гладила дочку по русой голове и молчала.

– Что думаешь делать? – спросила Анна Павловна, когда, уложив Леру, Алеся вышла на кухню.

– Не знаю. С фермой мне одной не справиться. Лера еще слишком мала для того, чтобы что-то менять, – ответила Алеся.

– У тебя родные хоть есть?

– Да, мама. Но она далеко.

– Уезжать тебе нужно отсюда. Те, что убили твоего мужа, могут и до тебя добраться. Ты хоть догадываешься, кто это мог сделать?

– Я не догадываюсь. Знаю. Все произошло на моих глазах. Я хорошо запомнила всех.

– Милиции рассказала?

– Да, только, как мне показалось, меня не особенно слушали. Даже фоторобот не предложили сделать.

– Может, они и правы. Вдруг это лабусы? Они на все способны.

– Нет, те, кто к нам приезжал, были местные, я их видела в городе несколько раз. Ошибки быть не может, у меня хорошая память на лица.

Утром Алеся, собрав Леру, забрала машину с больничной стоянки, поехала на ферму. Неясное предчувствие тревожило ее. Подъехав к дому, она сразу все поняла. Выбитые стекла, сорванная с петель дверь, заляпанное грязными сапогами крыльцо, вещи Леры, втоптаные в раскисшую землю. Некоторое время Алеся сидела в машине, не решаясь выйти. Наконец, собравшись с силами, направилась в изуродованный дом. Там оказалось еще хуже. Разрушено, уничтожено и загажено было абсолютно все! Не осталось ни одной целой вещи, прямо на обеденном столе высилась куча дерьма, такая, что можно было подумать, что здесь

оправлялся слон. Весь пол на кухне был залит разлагающейся кровью. Запах стоял такой, что Алесю тут же вырвало. Выскочив из дома, она стояла на крыльце и судорожно глотала воздух. Вернувшись к машине, достала бутылку воды, умылась, перевела дыхание, покопалась в бардачке, нашла пачку сигарет, когда-то оставленную мужем. Нервно, неумело закурила. Тошнота отступила, сменилась легким дурманом. Сделав несколько глубоких затяжек, Алеся отбросила недокуренную сигарету и, глубоко вздохнув, снова вошла в дом. У нее была цель; не достигнув ее, она не могла уехать.

Не останавливаясь прошла в кухню, распахнула дверь детской и обнаружила источник крови. Пол был завален грубо и неумело ободранными тушками норок. Запах разложения оказался настолько густ, что казалось, липкой отвратительной массой цеплялся за руки, лицо, одежду. Уже не глядя, куда ступает, Алеся подошла к встроенному в стену шкафу, отодвинула неприметную доску, достала ружье. На полке оказалось всего четыре патрона, два с пулями и два с картечью. Алеся помнила, что Дима снаряжал значительно больше, но где они – не имела представления.

Вернувшись в машину, Алеся выудила из пачки еще одну сигарету. Прикурила. Снова сделала пару затяжек. Выбросила сигарету, открыла багажник, достала канистру с бензином. Щедро плеснула на сухие, простоявшие уже больше сотни лет стены, отошла, намотала на палку то, что осталось от ее же собственных трусиков, и, обмакнув в бензин импровизированный факел, последний раз посмотрела на дом, который так и не стал для ее семьи родным. Гулкое, коптящее пламя охватило пропитанную бензином тряпку. Широко размахнувшись, Алеся бросила его на стену.

Огонь охватил весь дом сразу, вознесся к небу. Столб черного дыма поднимался все выше и выше. Уже садясь в машину, Алеся услышала частые хлопки в горящем доме. Выходит, патроны еще были.

Целую неделю Алеся уходила из дома Анны Павловны рано утром и возвращалась только поздно вечером. Первый день ушел на то, чтобы изменить внешность. Алеся купила другую одежду, прежней у нее не осталось. Подобрала себе темный парик, хотела обзавестись еще и темными очками, но здраво рассудила, что в начале апреля они будут выглядеть несколько вызывающе, передумала и просто изменила макияж. Она догадывалась, где можно отыскать врага, – и не ошиблась. Просто на это понадобилось определенное время. Каждый вечер в ресторанах и кафе провинциального города стала появляться стройная высокая брюнетка в вызывающе короткой юбке. Первые два вечера прошли впустую. Никого из тех, кого она искала, заметить не удалось. Зато отбоя от молодых людей, жаждущих приключений, не было. А вот на третий вечер в ресторане, расположенном на территории одной из баз отдыха, она увидела того, кого искала. В этот затерянный среди озер городок уже добралась мода на игорные залы, именно там за одним из столов Алеся заметила того, кого искала. На руке у него была непривычная и редкая татуировка: два самолета и парашют между ними. Эмблема десантных войск. Именно ее она видела в тот вечер, когда в дом ворвались бандиты. После удара прикладом по затылку десантник рефлекторно закрыл голову рукой. В памяти Алеси навсегда остался синий рисунок. Эта татуировка красовалась на левой руке главаря. Но, как ни пыталась Алеся незаметно рассмотреть его лицо, ей это не удалось. Она присела за соседний столик. Крупье сдал карты, и в ту же секунду главарь поднялся. Высокий, крепкий, с коротко стриженным затылком, он стоял к ней спиной, и возможности его разглядеть снова не оказалось. Откуда-то слева, из полумрака, появились еще двое. Алеся расслышала негромкое «Пошли», и на этом все кончилось.

На следующий вечер они снова были там, но главного с ними не было. Дождавшись, пока бандиты наиграются, Алеся проследила, как они сели в машину. На этот раз они были на светлой «девятке». Машина тронулась, Алеся поехала следом. Население городка было не

велико, но застроенный в основном одноэтажными частными домиками, он раскинулся на нескольких прибрежных холмах. Ехать пришлось долго. Алеся старалась не заблудиться в хитросплетениях узеньких улочек, пыталась читать названия. Наконец добрались до Социалистической. Возле дома 17 «девятка» остановилась. Алеся стала неподалеку, вовремя погасив фары. В тусклом свете уличного фонаря она увидела, как двое рэкетиров вышли из машины и скрылись в доме. Подождав чуть больше часа и убедившись, что бандиты не собираются уезжать, Алеся поехала к Анне Павловне.

Рано утром на следующий день она уже дежурила на Социалистической. До самого обеда никто из дома не выходил, лишь в начале третьего возле «девятки» появился один из бандитов. Вынул из багажника увесистую сумку, снова ушел в дом. Двое из них вышли только в четыре. Постояли возле машины, покурили, явно кого-то ожидая, наконец появился главарь. Не спеша вышел на крыльцо, поправил огромные, закрывающие пол-лица темные очки и направился к машине.

До самой ночи Алеся следила за преступниками. За этот день она многое узнала о механизме вымогательства денег. Бандиты собирали дань. Подъезжали к кооперативным кафе, один выходил из машины, заходил внутрь и спустя несколько минут выходил с пакетом. Так происходило несколько раз, за исключением одного. В небольшой палатке по ремонту обуви вышла заминка. Выглянув из распахнутой двери, грабитель взмахом руки подозвал на помощь водителя. Тот неторопливо выбрался из «девятки», медленно, не скрываясь, достал из-под сиденья внушительную дубинку и направился к палатке. Очевидно, рэкетиров знали в лицо многие. Улица мгновенно опустела. Через минуту на мостовую вылетел хозяин палатки с залитым кровью лицом. Он пытался сопротивляться, размахивая сапожным молотком, даже зацепил одного из грабителей, но силы были неравны. Удар дубинкой по затылку, и дикое, страшное своей методичностью избиение несчастного... Унялись бандиты лишь тогда, когда их остановил главарь, спокойно покуривавший в машине.

Наблюдая за беспределом, Алеся остро пожалела, что на этот раз оказалась не готова. Решив продолжить слежку, до поздней ночи повсюду следовала за преступной троицей. После сбора дани они отправились на Социалистическую, а как только начало темнеть, выехали в ближайший ресторан. Основательно загрузившись, переместились в казино и лишь оттуда вернулись к себе. Алеся уже была готова привести в действие намеченный план, но помешало то обстоятельство, что из казино они привезли девиц.

Утром Алеся с явным нетерпением ожидала появления рэкетиров. Как и в прошлый раз, из дома они вышли около трех часов. Как только на пороге появился главарь, Алеся решила больше не тянуть. Ее бежевая «пятерка» молниеносно сорвалась с места. Резко затормозив у самого капота «девятки», Алеся выскочила из машины. Заряженное ружье словно само собой оказалось в ее руках. Первая пуля разворотила грудь ближайшего бандита. В нос шибануло кислой пороховой гарью. Второй снап огня ударил в грудь второго рэкетира. Первый еще не успел рухнуть на землю, а Алеся, переломив ружье, досылала очередные два патрона. Растерявшийся на мгновение главарь, перепрыгивая через ступеньки, бросился к Алесе, выхватывая на бегу пистолет. Это пистолет помешал ей. Заметив уже почти направленное на нее оружие, Алеся рефлекторно выстрелила прямо в руку, сжимавшую пистолет. Кисть главаря словно взорвалась, брызнула кровь, шесть фонтанчиков залили изображение десантной эмблемы. Чуть поведя стволом, Алеся снова нажала на спуск, но выстрела не последовало. Осечка! Размахнувшись, она опустила приклад на голову скорчившегося от боли главаря. Хрустнуло так, что слышно было за километр. Ружье разлетелось в щепки. Отбросив обломки в сторону, Алеся побежала к своей машине.

Через час она вместе с Лерой неторопливо катила подальше от городка, который отнял у нее мужа и сына.

Жизнь Алеси остановилась. Как ни пыталась расшевелить ее Кристина Яновна, дочь целыми днями сидела уставившись в одну точку. Только Лера время от времени могла вернуть Алесю к реальности. Два месяца полного затворничества. Два месяца слез в подушку. Два месяца почти без слов. Кристина Яновна пробовала успокоить дочь, как-то утешить. Алеся оставалась безучастной. Она словно перестала жить. Пролетел апрель, за ним май, и только в начале июня она впервые вышла во двор. Все те же стены из выщербленного от времени красного кирпича. Та же чахлая травка, пробивающаяся сквозь щели в асфальте. Тот же отдаленный бой часов на старой ратуше и синее бездонное небо над головой. В тот день, глядя в небесную синь, Алеся впервые слабо улыбнулась.

– Знаешь что, мама, наверное, пора устраиваться на работу, – сказала она, не отрывая глаз от неба.

– Правильно, а то скоро все деньги проешь. А с машиной что будешь делать? А то сосед спрашивал, не собираешься ли ты ее продавать?

– Нет, оставлю себе. Мало ли когда понадобится! Слушай, мама, у меня, кажется, в баке бензин еще остался, поедem сейчас в парк.

– О чем ты говоришь, Алеся! Я с тобой в машину не сяду! Да и чувствуешь ты себя не слишком хорошо.

– Не обращай внимания. Лера, доча, поехали кататься! – позвала Алесю дочь.

– Я вас не отпущу! – разволновалась Кристина Яновна.

– Не отпущай! Садись с Леркой назад – и поехали.

Понимая, что с дочерью спорить бессмысленно, Кристина Яновна забралась в машину, взяла на колени внучку, замерла в тревоге. Удивительно, но простоявшая больше двух месяцев машина завелась легко. Алеся уверенно развернулась и выехала со двора. Узкая улочка повела ее к выезду из города. Вот слева, сразу за сквером, показалось величественное старинное здание факультета начальной школы, который она закончила. Могла ли девушка подумать несколько лет назад, что жизнь ее так быстро изменится. Свернула налево, вниз, выехала на самый старый в городе проспект. Застроенный исключительно частными домами, ведущий к загородному парку, он по чьей-то прихоти был назван именем давно забытого коммунистического деятеля, спускался вниз, к ручью, затем делал крутой поворот к холму.

Алеся оставила машину на стоянке, взяла Леру за руку и шагнула под сень деревьев. Она неожиданно ярко, будто это было вчера, вспомнила, как любила приезжать сюда с Димой. На стареньких велосипедах они катались по тенистым аллеям. Бродили по берегу реки. Иногда купались по вечерам, стыдливо разойдясь по разные стороны раскидистого куста. Несколько раз приезжали сюда с друзьями на шашлыки, правда, костер разводили подальше, по ту сторону парка, в настоящем лесу. А сколько они говорили, сидя на берегу, мечтали, как сложится их жизнь. Сложилась, но совсем не так, как они хотели. Да, они поженились, даже детей завели, как и мечтали – двоих. Только сын умер, даже не получив имени, а его отец, сильный и смелый, бесконечно добрый и ласковый Дима, убит. Жизнь у него отняли примитивные бандиты, посмеявшиеся оценить бытие любимого человека в несколько сотен долларов. Как же хотелось кому-то рассказать о пережитом! Но дочь еще мала, а мама... вполне достаточно того, что она знает.

Алеся окончательно осознала, что пришла пора возвращаться к реальности. На следующий день она отправилась устраиваться на работу. Благо стараниями мамы документы с предыдущего места работы уже прибыли. Алеся принялась ходить по близлежащим школам. К своему ужасу, она столкнулась с серьезной проблемой. Свободных рабочих мест не было. Алеся обходила одну школу за другой. Перспектив никаких! И вдруг, пусть и относительно далеко от дома, она наконец нашла место. Директор был в отпуске, его замещала

завуч, молодая тридцатилетняя женщина. Чувствовалось, что в директорском кабинете она себя чувствует неуютно.

– Знаете, Алеся, а не пойти ли нам ко мне? Чайку попьем, посплетничаем, – доверительно сказала Леонида Марьяновна.

Перебравшись в крошечный кабинетик завуча, Леонида Марьяновна привычно включила простенький алюминиевый электрочайник, достала из застекленного шкафчика две чашки, положила на стол пачку печенья и жестом пригласила Але-сю присаживаться.

– Спасибо, – кивнула Алеся, усаживаясь напротив.

– Что послужило причиной вашего увольнения?

– У меня погиб муж. К тому же я потеряла ребенка. Оставаться там у меня просто не было сил. Поэтому меня отпустили без задержки.

– Понятно, а почему же тогда не переводом? Вы ведь потеряли стаж!

– Так получилось, я не могла там оставаться и после выписки из больницы вернулась к маме. Понимаете, моей дочери всего четыре годика, за ней необходимо присматривать. Здесь мы вдвоем, с мамой. – Она пожала плечами, чувствуя, что и здесь могут отказать.

– Мне это знакомо. Я сама после развода вернулась в город и тоже, как и вы, к маме. У меня ведь дочь без отца растет. Десять лет скоро.

Заметив удивленный взгляд Алеси, Леонида Марьяновна пояснила:

– Я родила Танюшку еще в институте. Едва ли не на лекции. Всей группой растили.

– А из-за чего развелись? Изменял? – спросила Алеся.

– И изменял, и пил, всего хватало, вот я от него и ушла. Почувствовала, что еще немного – и убью негодяя.

Алеся кивнула, соглашаясь, а в памяти всплыло: пуля вонзается в грудь человека. Как она смогла пережить то, что случилось, Алеся даже не пыталась понять. Просто иначе она поступить не могла. Оставить Диму неотомщенным было, по ее мнению, натуральным предательством.

– О чем вы думаете? – спросила Леонида Марьяновна и поставила перед Алесей чашку с горячим, вкусно пахнущим чаем.

– Спасибо, – очнувшись от собственных мыслей, сказала та.

– Да не за что! Печенье берите, не стесняйтесь!

– Спасибо.

– Алеся! Что вы заладили – спасибо да спасибо! Скажите лучше, как вы ладите с детьми? – остановила ее Леонида Марьяновна.

– Вроде нормально. Никто на меня не жаловался.

– Это понятно! Но там, где вы работали, насколько мне известно, разные национальности перемешаны и даже язык особый. Вам не было трудно?

– Нет! Что вы, Леонида Марьяновна! Они абсолютно все владеют русским, и школа у нас русская была. Между собой там люди действительно разговаривают на странной смеси языков. Даже сразу и не понять.

– С этим ясно. А как же вы ухитрились работать и одновременно родить ребеночка?

– Это совсем просто. Я в свое время много занималась спортом, вот и беременная работала едва ли не до последнего дня. Да и после родов только две недели с дочкой посидела – и снова на работу.

– Но тогда кто же с ребенком оставался? – удивилась Леонида Марьяновна.

– Муж с дочкой сидел, иногда няня, – пожала плечами Алеся.

– Вы зарабатывали достаточно, чтобы нанимать няню? – удивленно вскинула брови Леонида Марьяновна.

– Ну, в общем, у меня муж по образованию ветинженер, как только разрешили кооперативы, собственную звероферму создал. Так что денег хватало, – чуть запнувшись, ответила Алеся.

– Значит, как я понимаю, из-за этой фермы он и погиб, – медленно, но твердо сказала Леонида Марьяновна.

– Я не хочу это обсуждать! – резко заявила Алеся.

– Понятно. Я не вправе подписывать ваше заявление, но вы сможете подписать его в роно. Надеюсь, директор не будет против.

К работе Алеся приступила спустя две недели. Заявление подписали и директор школы, и заведующий районным отделом народного образования. Вот только с огромным трудом добытая коробка конфет, предназначенная Леониде Марьяновне, так и осталась неврученной. Завуч находилась в отпуске. Каникулярное время не подразумевало особо серьезной нагрузки, тем более что планы уроков у Алеся были в полном порядке, а других занятий в школе не планировалось. Неделя прошла в мелочных хлопотах, помощи в ремонте и частых чаепитиях с коллегами. Потом Алеся вызвал к себе директор. Анатолий Николаевич, довольно солидная величина в городе, депутат горсовета и прочая, прочая, оказался невысокого роста, круглолицым, с седой щеточкой усов и солидным, но крепеньким на вид пузиком.

– Присаживайтесь, Алеся Игоревна. Вы у меня уже неделю работаете, а мы до сих пор незнакомы! Непорядок.

– Случая не было, Анатолий Николаевич, – отрапортовала Алеся, по-прежнему стоя у двери.

– Не стойте вы! В ногах правды нет.

– Как нет ее и выше! – в тон ему сказала Алеся и почувствовала, как липкий взгляд директора раздел ее, повернул и так и эдак, перегнул, разогнул и снова одел. Алеся уже давно не испытывала столь гадкого ощущения. Безумно захотелось залезть под душ, смыть следы этих маленьких пороссячьих липких глаз.

– Да садитесь же! – воскликнул Анатолий Николаевич, смешно всплеснув руками.

Алеся опустила на предложенный стул и немного напряженно посмотрела в глаза Анатолию Николаевичу. Не такого знакомства с директором она ожидала. Хотя... с другой стороны, ей стало немного смешно. Ну, куда этому толстячку еще и женщина, возраст у него отнюдь не юношеский, здоровьице не самое лучшее. Вон какой склеротический румянец на щеках. А туда же!

– О чем вы хотели со мной поговорить, Анатолий Николаевич? – прямо спросила Алеся.

– Для начала просто познакомиться, Алеся Игоревна. Пока просто познакомиться! Вы у нас молодой специалист, я обязан вас курировать лично. В вашем личном деле написано, что вы одна растите дочь. Это верно?

– Да, так. Но разве это может повлиять на мою трудовую деятельность?

– Что вы! Разве я такое сказал? Наоборот, зарплата учителя начальных классов невелика. Категория у вас всего лишь вторая, значит, и денег будет немного. Вот я и подумал, а не найти ли для вас дополнительную нагрузку. Живете вы вместе с мамой?

– Больше негде, – согласилась Алеся, не понимая, куда клонит директор.

– У нас в ближайшее время будет возможность записаться на кооперативную квартиру, сами понимаете, решение правительства. Если мы с вами найдем общий язык, моя помощь в этом вопросе вам будет гарантирована.

– Спасибо вам! – искренне поблагодарила Алеся. – Вы хотели предложить мне что-то конкретное?

– Пока нет, мы ведь только знакомимся. Так что ваше будущее в ваших руках. Вы можете идти! – отпустил ее Анатолий Николаевич и еще раз обласкал спину Алеси взглядом.

Едва Алесья вернулась в учительскую, на нее набросились коллеги.

– Что?! Что он от тебя хотел? – взволнованным шепотом спросила учительница физики.

– Ничего! – удивленно ответила Алесья. – Сказал, что просто познакомиться хочет. А что вы все так всполошились?

– Просто... – краснея, сказала физичка. – Мало ли что! Ты девушка симпатичная, молодая, без мужа. Всякое бывает.

Ничего не добившись от коллег, Алесья на время успокоилась. Не за горами было первое сентября, активность в школе возросла на порядок. На пустые разговоры попросту не было времени.

Учебный год начался с волнения и цветов. Почти весь месяц ушел на знакомство с первоклассниками и их родителями. Вечерами Алесья ходила знакомиться с условиями проживания учеников. Беседовала с родителями, домой приходила только поздно вечером. Короткие минуты отдыха она все чаще проводила с Леонидой Марьяновной. Они сильно сблизились, возможно, из-за того, что судьбы их были в чем-то схожи. Леонида, или просто Леня, оказалась на редкость отзывчивой и деликатной женщиной, после того разговора в ее кабинете она ни разу не спрашивала о муже Алеси. За время отпуска завуч очень сильно изменилась, стала выглядеть моложе, привлекательнее.

Как-то в личном разговоре с Алесей Леня призналась, что познакомилась с мужчиной.

– Ты знаешь, он совершенно не такой, как другие! Замечательный, добрый, внимательный! А уж Танюшка как к нему привязалась, не передать словами! – рассказывала Леня.

– Может быть, ты замуж за него выйдешь? – спросила мечтательно Алесья.

– Не знаю. Мы знакомы-то с ним всего ничего. Хотя...

– А я вот замуж не хочу! Зачем? Ребенок у меня есть. Нам никто не нужен. Главное ведь работа, верно?

– Отчасти ты права, Алесья. Но смотря как жизнь повернется. Я бы на твоём месте не зарекалась. Думаешь, я такой не была, как ты? Ошибаешься! После развода мужиков на дух не переносила! Но потом начались проблемы. Сколько я по врачам ходила, не рассказать. Только все без толку, пока не попала в женскую консультацию. А там врач-мужчина! Стеснялась я, конечно, страшно. Я сколько живу, столько гинекологов боюсь. Как представлю, что во мне ковыряться кто-то будет, в пот бросает. А тут! Понимаешь, он меня просто сначала разговорил. Мы беседовали, наверное, полчаса! Только после он меня осмотрел, и причем совсем не больно и не страшно. Но главное – он у меня спросил, давно ли я занималась сексом. Пришлось сказать правду. Представляешь, он ужаснулся совершенно искренне. Сказал, что, если я не хочу серьезно заболеть, мужчина мне просто необходим. Когда он мне такое выдал, я подумала, сейчас пригласит на свидание, а он мне начал рассказывать о своей жене, с которой познакомился через три года после ее развода. Даже фотографии жены показал, до и после их знакомства. Представляешь, две совершенно разные женщины. Вот тогда я и призадумалась.

– И что? – с расширенными от интереса глазами спросила Алесья.

– А то, в общем, с Женей я познакомилась в поезде. До Симферополя ехали в одном купе. Сначала он мне показался замкнутым, а затем помог мне Таню устроить поудобнее, да и так, по мелочи, стал оказывать разные незначительные услуги. Мы ведь, женщины, чувствуем!

– Не знаю, у меня такого никогда не было! А дальше что?

– Женя проявил активность только на вокзале в Симферополе. Предложил отправиться вместе в Судак. Я согласилась. Как-то спокойнее, когда рядом мужчина. В общем, мы отдыхали вместе.

– Так вы прямо там? Жили вместе? А как же дочка? – с округлившимися от изумления глазами спросила Алеся.

– Нет, по-настоящему мы стали встречаться только здесь. А там только жили по соседству да время вместе проводили.

– Но здесь у тебя дочка, и родители рядом! Или вы у него?

– Нет, у него тоже не часто получается. Выкручиваемся.

После разговора с Ленией Алеся серьезно задумалась, как жить дальше. Конечно, было бы неплохо завести роман, но память о Диме была еще слишком ярка. Вскоре Алеся забыла обо всем, работы было столько, что отвлекаться на разные мелочи просто не оставалось сил. Тем более что директор все чаще вызывал ее по совершенно незначительным вопросам, вынуждал проводить в школе все больше времени. Пока однажды в конце октября не случилось следующее.

Для подготовки к празднику был устроен школьный субботник. День выдался прохладный, к тому же дождливый, с реки дул пронизывающий ветер. Пока убирали территорию школы, пока наводили порядок во дворе, перетаскивая какие-то ржавые железяки, все учителя вымотались, замерзли и устали. Одно светлое событие произошло в тот день: у заведующей школьной библиотекой был день рождения. Пожилая Варвара Васильевна почему-то благоволила к Алеся, она оказалась в числе приглашенных. Там была и Ленья. Отношение к ней учителей в школе было весьма неоднозначным, но все же большинство уважало отзывчивую женщину, умеющую, когда нужно, становиться бескомпромиссной. Всех присутствующих Алеся уже достаточно хорошо знала, два месяца работы рука об руку не прошли зря.

Прямо в библиотеке накрыли стол. Как по мановению волшебной палочки появились испеченный кем-то торт, пирожки с капустой, бутылка водки. За поздравлениями и разговорами незаметно пролетело время. Только ближе к вечеру Ленья спохватилась:

– Совсем из головы вылетело! Я же обещала маме чеснок сегодня на даче посадить!

– Я помогу! – невольно вырвалось у Алеся.

– Боюсь, втроем нам не справиться, – ответила Ленья.

– Почему втроем? – невольно спросила Алеся.

– Муж приедет, – просто и обыденно ответила Ленья.

– Как – муж? – удивилась Яна, учительница черчения. – Совсем недавно вроде никакого мужа не намечалось.

– Не совсем еще муж, но живем вместе, а оформить отношения всегда успеем, – чуть потупившись, ответила Ленья.

– Послушай, а где у тебя дача? – уточнила Яна.

– Возле Улан. А что?

– Просто я в Уланах живу. Давай я родителям позвоню, пусть баню приготовят. После такой холодрыги попариться будет в самый раз! – предложила Яна.

– Позвони! Я не против! А как ты, Алеся?

– За! Только за, уже полгода в настоящей бане не парилась! – обрадованно воскликнула Алеся.

На все телефонные разговоры ушло не более двадцати минут. Собравшись, три женщины вышли из школы. До остановки было уже рукой подать, когда Яна воскликнула:

– Девочки! С нами же мужчина! Нужно что-то взять! Леонида Марьяновна нам жениха будет демонстрировать. Что наш муж пьет?

– Не наш, а мой! – поправила не в меру разошедшуюся Яну Ленья. – А мой муж, как ни странно, предпочитает пиво. Водку он не любит.

– С нами полюбит! – заявила Яна.

– Может, действительно хватит? Купим пива, на всех. Я его тоже люблю, – предложила Але-ся. – Хорошо бы еще и мяса, чтобы шашлычки сделать.

– Ты, подруга, размечталась! В лучшем случае курицу у соседней купим! – остановила ее Яна. – Девочки, а это идея!

Когда они добрались до Лениной дачи, на грядках уже возился крепкий мужчина в армейском маскировочном комбинезоне и грубых солдатских сапогах. Положив ножовку на недоструганную садовую скамейку, он быстро подошел к Лене, нежно поцеловал в упругую, замерзшую щеку и только после этого поздоровался с Алесей и Яной.

И Алеся, и Яна внимательно приглядывались к суженому Лени и не могли понять, что она в нем нашла. До темноты успели повтыкать в холодную землю зимний чеснок, и только теперь Леня сообщила Жене о предстоящей бане.

– Баня так баня. Только топить ее долго, до утра придется ждать, – спокойно сказал Женя волнующим женское сердце низким, бархатистым голосом.

Теперь Алеся поняла, чем тронул душу Леониды ее мужчина. С таким голосом вполне можно не обращать внимания и на не самую фотогеничную внешность, и на то, что Женя значительно старше. На вид ему было лет сорок, может, чуть меньше. Она посмотрела на Яну, та, тоже искоса, поглядывала на жениха Лени. Пока добрались до дома Яны, совсем стемнело. Фонарь во дворе освещал солидный стационарный мангал и... только что зарубленную курицу.

– Дамы, займитесь перьями, – скомандовал из уже топящейся бани отец Яны.

– Стоп! – остановил их Женя. – Я сам!

Действительно, на то, чтобы ощипать курицу, Жене понадобилось всего несколько минут. Немного дольше он разделявал ее. Нанизывая на шампуры куски мяса, Женя спросил:

– Девочки, а вы, часом, пива не купили?

Девочки тем временем, укрывшись под зонтом от накрапывающего дождя, увлеченно наблюдали за действиями Жени.

– Не беспокойся, Жень, купили! Целых три литра! В банке стоит, разливное, как ты любишь. Тебе принести? – тут же откликнулась Леня.

– Сам, – остановил ее Женя и отправился за пивом.

– Леня, а вы давно с ним? – шепотом спросила Яна.

– Не очень, а что?

– Тогда выходит, у вас еще эйфория! Интересно, как он будет себя вести через полгода?

– Не думала, но хочу верить, что так же, – тоже шепотом ответила Леня.

На шампурах, шипя и истекая сладким соком, жарилось мясо. В предвкушении шашлыков девочки потягивали холодное пиво и, наверное, оттого мерзли еще больше. Наконец Женя заявил, что еще немного – и все будет готово.

– Можете идти в баньку! Греться.

– А ты не хочешь? – игриво спросила Яна.

– С Леной – куда угодно! – сдвигая с жара шампуры, ответил Женя.

– Тогда пошли! – вдруг заявила Леня. – Я замерзла!

Женя внимательно посмотрел на нее, взял в руку несколько шампуров с нанизанным на них мясом, подхватил банку с пивом и неторопливо направился к бане.

– Решил их тут потчевать? – спросил отец Яны. – Правильно, места хватит, нечего девчонкам мокнуть и мерзнуть. А ты со мной, может, попаришься?

– Нет, я с женой! – совершенно спокойно ответил Женя и добавил: – Я там шашлыков вам оставил и пива.

– Спасибо, – растерянно сказал мужчина, но из предбанника вышел.

Женя уверенно разложил на столе шампуры, поставил банку с пивом, наполнил стаканы и невозмутимо посмотрел на Леню.

– Начнем? Отведаем немного шашлыков, пока горячие, а после баньки закончим. Как тебе мое предложение? – спросил он, совершенно не обращая внимания на Яну и Алесю.

– Согласна! Только сначала в баню, – смело отозвалась Ляня и начала раздеваться.

Женя в мгновение остался в одних трусах и скрылся за дверью парилки.

– Что, Алеся, дадим им минут десять, пусть потешатся?

– Вы о чем? – спросила Ляня, стаскивая джинсы.

– Об этом самом! Или вам нужно двадцать? – потешаясь, поддержала Яну Алеся.

– Дорогие мои девочки, Женя, если у него меньше часа свободного времени, даже начинать не станет! – с чувством превосходства заявила Ляня, удаляясь вслед за мужем в парилку.

Яна с Алесей только переглянулись. Все же они выждали несколько минут, прежде чем раздеться. Алеся, по причине небольшой груди обычно игнорировавшая лифчик, на секунду замялась, прежде чем снять свитер. Яна, всех подзадоривавшая и откровенно пытающаяся дразнить Женю, вдруг растерялась, стянула, не снимая майки, бюстгальтер и остановилась перед дверью.

– Что? Пойдем? – дрогнувшим от волнения голосом спросила она Алесю.

– А ты думаешь, мы будем здесь мерзнуть? Мне, честно говоря, уже холодно, да и есть очень хочется.

– Тогда ты первая! – предложила Яна, зябко пожимая плечами.

Алеся, внутренне сжавшись в комок, распахнула дверь и вошла в парилку. С трудом сдерживаясь, чтобы не прикрыть обнаженную грудь, окунулась в жаркие облака пара. Ляня, распростершись на полке, блаженствовала. На нежной коже уже выступили прозрачные капельки пота. Глаза были полузакрыты, губы растянулись в счастливой улыбке. Но более всего Алесю умилил размякший березовый листок, прилипший к белоснежной ягодице. Женя, совершенно обнаженный, уверенно орудовал веником, распаривая восхищенную Леню.

– Перевернись! – негромко скомандовал Женя, и Ляня послушно легла на спину. Женя что-то сказал, и женщина как-то очень стеснительно прикрыла грудь руками.

Алеся присела на деревянную, разогревшуюся в раскаленном воздухе бани лавку и исподволь наблюдала за Женей. Он совершенно не походил на ее погибшего мужа. Крепкий, широкоплечий, в мешковатом комбинезоне он показался неуклюжим и неповоротливыми, но здесь, в бане, Алеся невольно залюбовалась его сильным телом, рельефными мышцами, длинными могучими руками, крепкими накачанными ногами. Она невольно поймала себя на мысли, что обнаженный Женя не вызывает у нее отвращения. Более того, ей приятно смотреть на совершенное мужское тело. Женя, словно оживший библейский Давид, только более зрелый и оттого еще более привлекательный, совершенно не смущался собственной наготы и абсолютно не обращал внимания на то, что находится в окружении обнаженных женщин. Раскрасневшегося, с выступившими бисеринками пота на упругой коже, его не портил даже старый шрам, располозовавший левую щеку от виска до подбородка. Шевеление сбоку привлекло ее внимание. Рядом сидела Яна в майке, натянутой едва ли не до колен, она не сводила восхищенных глаз с Жени.

– Геркулес! – взволнованно сорвалось с ее губ.

Напарив Леню, Женя принялся нежно и в то же время сильно массировать ее. Не обращая внимания на Алесю и Яну, он увлеченно занимался своим делом и, как видно, получал от этого немалое удовольствие. Когда Женя закончил заниматься Ляней, окатил ее водой, усадил отдохнуть, Алеся, поддавшись неясному порыву, поднялась и, преодолевая врожденную застенчивость, спросила:

– А меня попаришь?

– С удовольствием! Только ты всегда в баню в трусиках ходишь?

Робея еще сильнее, Алеся оглянулась и увидела, что Яна, та самая Яна, которая всех все время провоцировала, откровенно бросая вызов, сидит, укутавшись в длинную черную майку. Преодолевая себя, Алеся едва ли не сорвала с себя последнюю одежду и со злостью швырнула на скамью. Одним прыжком оказавшись на полке, вытянулась на животе и едва не застонала от наслаждения, когда распаренный березовый веник, не касаясь кожи, обласкал ее нежным и раскаленным воздухом. С Алесей творилось нечто невероятное. Она просто получала удовольствие, изысканное, несказанное. Когда Женя предложил ей перевернуться на спину, она сделала это уже без тени стеснения. Женя стал для нее другом, братом, чем угодно, но ни в коей мере не мужчиной, который может представлять хоть какую-нибудь опасность. По большому счету он даже не волновал ее как мужчина. Просто стал своим. Наверное, именно по этой причине она лежала перед ним – обнаженная и восхитительная.

– Прикройся, – тихонько сказал Женя.

– Что? – не поняла она. – Зачем?

– Смущаюсь! А если серьезно, грудь прикрой. Соски. Чтобы не обжечь, – пояснил он и, обернувшись к каменке, еще поддал пара.

Яна, пока Женя парил Алесю, наконец разделась, но по-прежнему стыдливо прикрывалась руками. Отказалась она и от услуг банщика.

Окончательно осмелев, Алеся, увидев, что Леня принялась мыть волосы, предложила Жене:

– А хочешь, я тебя попарю, а то ты о нас позаботился, а сам...

– Давай! – согласился Женя и не раздумывая забрался на полку. – Только не скромничай, можешь хлестать сильно. Особенно спину.

– Да, Алеся! У него проблемы со спиной и правым бедром. Так что не стесняйся! Действуй! – подсказала Леня, которая, оказывается, все слышала.

Алеся старательно поработала со спиной Жени, так, что сама упарилась, попросила его перевернуться на спину. Когда он это сделал, взгляд Алеси невольно задержался на бедрах. С усилием отведя глаза, она, стараясь повторить интонацию Жени, сказала:

– Прикройся!

– Стесняешься? – с усмешкой спросил Женя.

– Нет, чтобы не повредить! А то вдруг еще пригодится! – улыбнулась Алеся.

Конечно же шашлыки остыли, а пиво согрелось, но все равно удовольствие получили все. Потягивая пиво из эмалированной кружки, Яна вдруг сказала:

– Хотела бы я вот так в баньке очутиться с Анатолием Николаевичем. С его охотой до молодых женщин это было бы очень интересно!

– Брось, я его немного получше знаю, – заявила Леня. – Он бы в спортивном костюме в уголке сидел.

– А ты откуда знаешь? – спросила Алеся.

– Знаю. Женя, погуляй пока, покури, мы тут посплетничаем немного. Хорошо?

Женя молча встал, взял со стола сигареты и, поправив полотенце на бедрах, вышел за дверь, прямо под непрекращающийся дождь.

– Он не замерзнет? – обеспокоилась Алеся.

– Нет. С его темпераментом можно согреть всю улицу или растопить айсберг. А что касается нашего директора, будьте осторожны, не думаю, что он что-то может, разве что полапать. Вот только слухи распускает хуже бабы. Я недавно узнала, что на обкомовских пьянках он меня так ославил, что разговоры дошли даже до моей мамы. Представьте, оказывается, я – его любовница! Он со мной и по командировкам ездит, и в баньке парится, и чего только не делает! Я, когда стала завучем, долго не могла понять, почему ко мне так все

мужики из городской верхушки липнут. Каких только предложений не поступало, едва не в открытую предлагали постель со всеми вытекающими последствиями. А когда дошло до мамы и состоялся откровенный разговор, я все поняла. Дело в том, что источник может быть только один. Никто не знает, что было в тех гостиницах, где мы останавливались во время командировок. А слухи полны очень точных подробностей. Но и это еще не все! Только я не вправе говорить о других. Вы заметили, что наш Анатолий Николаевич последнее время резко изменил свое отношение ко мне? Дело в том, что я кое-что рассказала Жене, и он с ним поговорил. Нет, не бил, просто выяснил отношения. Так вот, Анатолий Николаевич тут же написал заявление в милицию, так что Женю буквально затаскали по допросам. Благо все обошлось. Так вот, я хочу вас предостеречь! Это касается в особенности тебя, Алеся, ты явно ему приглянулась. Наш дорогой Анатолий Николаевич предпочитает, как я поняла, женщин незамужних, то есть незащищенных. Ты, Алеся, как раз подходишь под эту категорию. Яна не так рискует, у нее есть родители, которых директор побаивается. Да и сама она девушка бойкая, в обиду себя не даст.

В дверь постучал Женя.

– Заходи, – разрешила Леня.

Женя, несмотря на заявление жены, основательно замерз. Даже кожа на руках посинела.

– Девочки, вы как хотите, а я пошел греться! – сказал он и нырнул в парилку.

– Пошли и мы? – предложила Леня, обрывая на этом свою историю.

После того случая прошло два месяца. Вскоре после Нового года Анатолий Николаевич в очередной раз вызвал Алесю к себе, долго муржился ее ничем не значащими разговорами, а затем огорошил предложением:

– Дорогая Алесенька, у нас уходит на пенсию мой заместитель по начальной школе. Как вы смотрите на то, чтобы занять ее место, я уверен, вы справитесь.

В памяти Алеси вдруг всплыл разговор в бане. Решения она умела принимать мгновенно, решительность ее не подводила. Вот и сейчас она не сомневалась в своей правоте.

– Нет! Я не готова к административной деятельности. Извините меня, Анатолий Николаевич, я лучше буду заниматься своим делом.

– Вы рискуете вызвать мое неудовольствие! – пригрозил Анатолий Николаевич.

– Ничем не могу помочь, – твердо сказала Алеся. – Я приняла решение и не отступлю от него.

И тут произошло непредвиденное: директор поднялся из-за стола и вдруг с покрасневшим лицом надвинулся на Алесю. Прижав ее к столу, левой рукой грубо схватил за грудь, больно сжал, а правой начал задира́ть юбку. Опешившая Алеся в первые секунды даже не сопротивлялась, но, переборов замешательство, резко ударила коленом между ног, на мгновение ощутив напряженную плоть директора.

Анатолий Николаевич утробно ойкнул, согнувшись в три погибели, присел и отпустил Алесю. Отскочив, она в первую очередь начала приводить себя в порядок.

Директор, мучительно пытаясь распрямиться, сквозь зубы прорычал:

– Ты, сучка, свое получишь! Уволю на...! За несоответствие!

– Только попробуй, гад! – не сдерживаясь, крикнула Алеся и выскочила из кабинета.

Через неделю директор снова вызвал Алесю к себе. Едва не дрожа от страха и странного возбуждения, она вошла в кабинет и остановилась у двери.

– С завтрашнего дня ты работаешь в классе ОНР. Знаешь, что это такое? Мария Филипповна возьмет твой бывший класс. Все. Иди. Приказ получи в приемной.

Оказавшись в приемной, Алеся заплакала. Такого она не ожидала.

– Распишись, Алеся, – сказала секретарша. – Ты пойми, я тебе не враг, но увольняться тебе нужно, этот изверг любого достанет. Ты не представляешь, сколько молодых учительниц он выгнал взащей. Лучше уж самой уволиться.

ОПР – особенности психического развития. Страшный диагноз, но в этом районе явление частое. Работать с такими учениками – не просто мучение, настоящий ад. Не прошло и недели, как Алеся получила первый выговор. Класс, мол, отстающий, необходимо воздействие. Но просто так сдаваться она не привыкла, достала институтские конспекты, вечерам пропадала в библиотеке, изучала новейшие методы обучения и воспитания сложных детей. В методическом кабинете роно стала практически своим человеком, навещала туда каждую свободную минуту. Сказывалась и поддержка Леониды Марьяновны. Подруга, коллега, почти сестра, та стала частой гостьей в скромном старом двухэтажном доме, впрочем, и Алеся не стеснялась появляться у Лени в любое время. А побеседовать им было о чем. Вместе они разрабатывали планы, готовились к занятиям, изучали новинки. Позиция, занятая Женей, вполне устраивала женщин, он помогал им, чем мог, в то же время не маячил перед глазами.

Два месяца упорного труда, недосыпания, изнурительной нервной нагрузки дали свой результат. Пусть за это время Алеся почти не уделяла времени дочери, но зато класс подтянулся, и на фоне этого очередной выговор, вклеенный директором за отсутствие на рабочем месте в то время, когда сам же он и отправил Алеся с каким-то дурацким пакетом в горсовет, выглядел вызывающе. Ну и пусть! Алеся усиленно готовилась к проверке, о которой ее предупредили в методкабинете.

Пришел май. Сразу после затянувшихся праздников республиканская проверка нагрянула в город. В числе проверяемых оказалась и школа, в которой работала Алеся. Директор буквально сдвинулся от страха. Шустро перебирая короткими толстыми ножками, он бегал по коридорам и метал громы и молнии. Испуг его был вполне объясним. Школа, как всегда, оказалась не готова к проверке. Весь год он занимался собственным депутатством, а в школе предпочитал наводить внешний лоск. Что-то красил, что-то белил, а учебный процесс проходил как-то мимо него. Сейчас он, осознав неотвратимость расплаты, зверствовал, лишал премий, раздавал налево и направо выговоры. И в то же время, вместо того чтобы хоть как-то подтянуть учащихся, дать возможность педагогам заниматься своим непосредственным делом, загружал их оформлением никому не нужных стенгазет за прошедший год, ремонтом спортзала и прочей ерундой. Леня, как могла, сопротивлялась неразумным действиям директора, но успеха это не приносило. Школа разваливалась на глазах.

Алеся старалась не попадаться ему на глаза, даже в учительскую почти не заходила. Иногда просто пряталась у Лени. Но получалось это далеко не всегда. По плотоядной улыбке Анатолия Николаевича Алеся догадывалась, что он готовит какую-то подлость, только пока неизвестно, какую именно.

Проверка, как и ожидалось, была комплексной. Дотошно контролировалось абсолютно все – и хозяйственная деятельность, и учебный процесс, и методика преподавания. В школе работало с десятков серьезных профессионалов. В плане оказался и открытый урок в классе Алеся. Конечно, она волновалась, и ее волнение передавалось детям. Не важно, что у них замедленное развитие, рядом со своей Алесей Игоревной они стали чрезвычайно чуткими, остро реагировали на любую несправедливость, и вот теперь во время урока их было невозможно утихомирить. Сначала Алеся растерялась. Чтобы взять себя в руки и одновременно успокоить детей, начала урок с игры, постепенно, исподволь выводя детей на тему занятий. Как пролетели сорок пять минут, она не помнила, но, когда прозвенел звонок, Алеся только удивилась – почему так быстро?

– Алеся Игоревна, задержитесь на минуту, – остановила ее председатель комиссии.

– Да, я вас слушаю! – не в силах скрыть волнения, ответила Алеся.

– Вы знаете, что начинается республиканский эксперимент?

– Нет. А в чем он заключается? Дело в том, что это особые дети, и к ним необходим соответствующий подход. Вы понимаете, я регулярно изучаю литературу, но в...

– Стоп! Остановитесь. Вы прекрасно провели занятия, у меня лично никаких существенных замечаний к вам нет. Но я хочу сказать, что вы, уважаемая Алеся Игоревна, занимаетесь не своим делом!

– Простите, может быть, у меня есть какие-то ошибки, но поймите, я работаю с этим классом всего четыре месяца! Дети стали усваивать программу обычной школы! Поверьте, я смогу, я справлюсь! Только дайте мне немного времени! – едва не плача, умоляла Алеся.

– Девочка моя! Вы, очевидно, меня неверно поняли! Дело в эксперименте. Понимаете, мы собираем талантливых педагогов, которые после прохождения специального курса получают возможность защититься и будут направлены на соответствующие посты. Мера эта, как вы понимаете, вынужденная, «старая гвардия» ни за что не желает покидать насиженных кресел, а время давно ушло вперед. Многие просто не соответствуют настоящему. Нам нужна свежая кровь на руководящих постах. Нужны люди, способные не только учиться, но и учить своих коллег. Вы согласны?

– Где будет проходить курс?

– У нас, в столице. А что, у вас есть какие-нибудь препятствия?

– Дело в том, что у меня дочь, ей четыре года.

– А муж разве не сможет присмотреть за ребенком?

– Муж погиб, мы живем с моей мамой.

– В таком случае ваша задача – уговорить маму. Я буду готовить запрос на вас.

– А как же дети? – спросила растерянная Алеся.

– Ничего не подделаешь, ими займется кто-нибудь другой. Есть задачи более глобальные. Мы можем помочь не только этим двум десяткам, а тысячам детей. У вас будет немного времени, чтобы подумать, но прошу вас, не отказывайтесь.

Запрос действительно пришел через месяц. Алеся еще не приняла окончательного решения, она хотела обсудить этот вопрос с Леной. Подруга не была удивлена появлением Алеся в ее доме. Спокойно пригласила пройти в комнату.

– Присаживайся. Рассказывай, что произошло?

– Вызов пришел, я не знаю, что делать, – вздохнув, ответила Алеся.

– На курсы? – уточнила Лена.

– Да. А ты откуда знаешь? – удивилась Алеся.

– Дорогая, неужели ты думаешь, что я не в курсе? Я сама ставила тебя в план. Естественно, говорила почти со всей комиссией. Может быть, не знаешь, но директор по случаю проверки устроил пышный банкет, на котором мне по статусу пришлось присутствовать, поверь, это мероприятие тоже не прошло бесследно.

– Так что, фактически без меня меня женили? Так получается? – попробовала возмутиться Алеся.

– Не обижайся! Сама бы ты вряд ли решилась, вот и пришлось немного подтолкнуть. Я знаю, что именно тебя беспокоит: Лера. Не волнуйся! Мы поможем. И я и Женя. Присмотрим, если нужно, и за Лерой, и маме твоей окажем поддержку.

– Ты сама все решила? За меня?

– Почему сама? Я с Женей посоветовалась! – рассмеялась Лена. – Он о тебе очень высокого мнения. Наверное, после того, как ты попарила его в баньке!

– Лена! Я не знаю, что на меня тогда нашло! Может, из благодарности, может... нет, я не могу сказать! Просто так получилось! – начала оправдываться Алеся, чувствуя, как краска заливает лицо.

– Не переживай! Я на тебя не в обиде. Он и впрямь способен вскружить голову любой женщине. Как я с ним только живу, ума не приложу. Но только верю я ему, понимаешь? Верю, что он мне не изменяет. Знаешь, как он иногда развлекается? Если мы вместе где-нибудь появляемся, он охмуряет женщин, причем любых, невзирая на возраст.

– И ты терпишь?

– Я верю! Это главное!

Перед Новым годом для слушателей курсов устроили небольшие каникулы. Алеся, обрадованная возможностью провести с дочкой целую неделю, не могла дождаться воскресенья, чтобы сесть в машину и помчаться домой. Последние два дня превратились в настоящую пытку. Даже на занятиях Алеся постоянно ловила себя на том, что думает о доме. Она не дождалась утра, выехала поздно вечером. Сильный боковой ветер старался сорвать машину с дороги, мелкая снежная крупа с такой силой била по стеклам, что казалось – еще немного, и окна не выдержат, рассыплются мелкими квадратиками, а салон заполнится ветром и колючим снегом. Обошлось, свернув с М1 влево, Алеся уже считала последние километры, когда из белой круговерти, откуда-то справа выметнулась человеческая фигура. Алеся чудом избежала удара, но машину занесло, спустя какие-то доли секунды правые колеса врезались в настывший снег обочины. С трудом справившись с машиной, Алеся остановилась. Сзади к ней, что-то крича и размахивая руками, бежал человек. Алеся испугалась не на шутку, слишком много историй она слышала о том, как в дороге пропадают и люди и машины. Рука сама включила передачу, мотор взвыл, машина припадочно затряслась, но с места не сдвинулась. Мужчина в распахнутой куртке был уже совсем близко. Алеся судорожно выжала сцепление, включила заднюю скорость, вдавила в пол педаль газа. Визг резины, рев мотора, тряска. Машина завилыла из стороны в сторону, но так и осталась на месте. Алеся настолько остро захотела жить, что даже слезы выступили на глазах. Она успела подумать о том, что станет с Леркой, в этот момент дверь распахнулась, и она услышала чужой голос:

– Барышня, умоляю, выручайте! Жена в машине рождает, а позвонить неоткуда! Ради бога! Помогите!

Медленно, словно во сне, Алеся повернула голову – перед ней, левой рукой придерживая дверь, стоял мужчина в распахнутой короткой кожаной куртке.

– Так вызывайте «скорую»! – огрызнулась еще не отошедшая от страха Алеся.

– Как? Откуда? У меня машина сломалась! Помогите! Умоляю вас! – стараясь перекричать завывание ветра, продолжал уговаривать мужчину.

– Где она? – смягчившись, спросила Алеся.

– Жена? – переспросил мужчина.

– Машина!

– Машина? – удивился мужчина. – А, ну да, конечно! Здесь, рядом. Метров пятьдесят. Поехали.

– Я застряла. Подтолкнете?

– Лучше я сам за руль сяду! Подвиньтесь, или нет, лучше выходите.

Алеся, сама не понимая почему, тут же подчинилась и вышла из машины. Мужчина уверенно сел за руль, захлопнул дверцу и спокойно, без рывков, выехал на дорогу. Растерянная Алеся только моргала, пока машина удалялась от нее в снежную круговерть. «Боже! Как глупо остаться без машины!» – подумала она. Сдав назад метров на десять, машина остановилась. Мигнула фарами. Алеся наконец сообразила, что ее зовут, побежала к едва не потерянным «жигулям».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.